



Таким откровением, встречей с детством и юностью, стали для меня воспоминания Татьяны Фоогд-Стойановой, вышедшие вторым изданием в "Оптимуме". Обычно в таких случаях принято уточнять: дополненным и расширенным, но в данном случае справедливо полагать эту меморию новой книгой. Дело даже не в том, что в ней больше страниц: автор перешла от перечисления воспоминаний к их осмыслению. Долгая жизнь — длинная линия, пересекающая ладонь девочки из интеллигентной семьи, где породнились врачи и библиотекари, педагоги и художники... Дворяне и разночинцы, купцы и мещане, люди разных кровей, но одной веры — православной. Достаточно вспомнить, что в большевистской Одессе перед войной принимала верующих лишь одна церковь — на Втором кладбище...

Детство блондинки Тани и чернявой Наташи — сестер Стояновых — проходило в коммуналке на Нежинской (я жил в этом доме после войны), на даче профессора Скроцкого на 11 станции Большого Фонтана. Его внука Юру я знал в юности, тогда же бывал в гостеприимном доме Великановых (старший — профессор — лечил маленькую Таню от скарлатины), довелось работать с еще одним профессором — Москетти, другом юности Татьяны... Она училась в одной школе (№ 37) с моим старшим братом Абой. Из их класса, получившего аттестат зрелости в мае 1941-го, с войны, кроме него, вернулись лишь трое — два парня и девушка...

Татьяна Стоянова и ее семья пережили оккупацию в Одессе. Особый интерес представляют именно эти страницы воспоминаний, записанные ею в молодые годы откровенно и искренне, но, главное, заново увиденные сегодня, спустя жизнь, глазами матери большого семейства, ощущающей всю меру ответственности не только за свое прошлое, но и за будущее светлоголовых, пошедших в голландца-деда Фоогда, внуков. На презентации книги своей энергичной и удивительно молодежьей бабушки старшие внимательно слушали наши теплые слова в ее адрес, а самая маленькая бегала по Золотому залу Литературного музея. Судя по старым фотографиям, она очень напоминает маленькую Таню, которой столько же — шесть лет — стукнуло в 1928-м. Тогда ей рассказывал о старой Одессе сам Александр Михайлович Дерibas, качал на коленях Владимир Петрович Филатов, а чуть позже прелестной барышне играл на старом дачном роя-

ле юный Светик Рихтер... А если добавить, что отчимом сестер Стояновых был блистательный поэт и переводчик Серебряного века Владимир Пяст, то...

Впрочем, отсылаю любознательного читателя к книге Татьяны Филипповны, избравшей для ее заголовка пушкинскую прозорливую строку: "Что пройдет, то будет мило...". Я же счел уместным предпослать этим заметкам строку из этого же стихотворения — ей предшествующую: "Сердце будущим живет..." Она как раз — к случаю.

Феликс КОХРИХТ

Три архива

Валентин Крапива
Архивы пустяков
Одесса, 2003



Есть люди, которые по велению души ведут архивы. Еще сами не зная, как они их используют. Может, архивы их утопят в тысячах подробностей, иногда чрезвычайно похожих, а иногда нелепо случайных. Но вот наступает мгновение, которое владец, коллекционер подробностей, и не ожидал. И то, что раньше казалось пустяками, игрой случая, становится закономерностью, так и просится на бумагу, чтобы не только развеселить читателя, но и убедить его в том, что Шекспир был футболистом, лорд Байрон — тенью Лермонтова, Ньютон — прекрасным садоводом. А все прочее — случайность.

Я люблю читать книги Валентина Крапивы, они остроумны и парадоксальны. Их можно читать, сидя в удобном кресле, в самолете, в поезде... Но главное — каждая из них предполагает следующую книгу, поэтому у автора так быстро растет полка собственных книг.



Борис Херсонский
Семейный архив
"Друк", 2003 год

Это большое искусство возвращаться и возвращаться к раз написанному, дописывать новые главы, уточнять ритм, искать самые выразительные образы и метафоры и оставаться верным самому себе и семье, которая вырастила тебя, сделала мудрым и многознающим, наделила тебя печалью и остроумием, иронией.

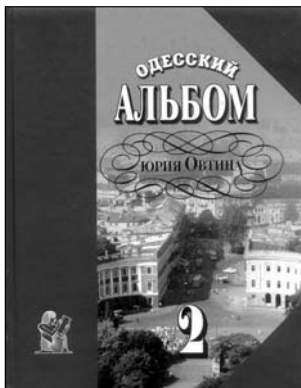
"Семейный архив" — это не книга документов, не книга эссе, это поэзия, чистая поэзия, выросшая на нашей почве из Книги книг — Библии. Можно ли продолжать Библию? Нет, нет и нет. Но мыслить библейскими образами, погрузиться самому и погрузить своего читателя в ритмическое течение псалмов, которые были переведены автором, и их поэтика стала близка Борису Херсонскому — это подлинное искусство.

Юрий Овтин
Одесский альбом
"Папирус", "Астропринт", 2003 год

Юрий Овтин собирал все, что было написано о нем, о его книгах. Когда-то в XIX веке альбомы для дружеских посвящений заводи-ли барышни. Юру Овтина в том, что он барышня, не заподозишь. Но альбом посвящений он создает уже второй. В этом собраны записи о Николае Степанове, Адольфе Лозе, Сергее Гриневецком, перемежающиеся с их собственными словами об авторе — веселыми, подчас ироничными, но всегда доброжелательными. А если вспомнить, что постоянный оформитель книг Ю. Овтина, мэролюб и художник-колоба — график Владимир Миненко, то можно представить, что альбомная традиция сохраняется, и каждая книжка становится произведением если не поэзии, если не прозы, то одесского жанра, которому еще нет названия.

Такие три "архивные новинки" появились на книжных полках в самом конце 2003 года.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ



Это сладкое слово — "Либерти"

Юбилеи имеют обыкновение подкрадываться незаметно — как для окружающих, так и для самих именинников. Вот так, вроде бы ожидаемо, а на самом деле совершенно вдруг, удивила нас своим юбилеем — десятилетним! — галерея "Либерти" Анны Евгеньевны Голубовской, которую большинство знакомых (и не очень знакомых) предпочитает величать просто Анечкой. Десять лет — это не только накопление опыта, обретение "лица необщего выражения", создание круга "своих" коллекционеров, клиентов, почитателей и друзей. Десять лет существования художественной галереи в наших, мягко скажем, непростых условиях — это еще и экзамен на выживаемость.

Как все начиналось? В случае с Аней Голубовской — очень естественно. А сейчас, по прошествии лет, кажется, что иначе быть не могло. Прежде всего — родители. Мама, Валентина Степановна, талантливый, интеллигентный и очень скромный человек, искусствовед по профессии, много лет преподавала в Театрально-художественном училище. Папу, Евгения Михайловича, известного журналиста, вице-председателя Всемирного клуба одесситов, коллекционера, тонкого знатока живописи и поэзии, а в последние годы еще и издателя раритетных книжек, в Одессе представлять никому не нужно. В такой семье не мог вырасти ребенок, равнодушный к искусству. Образование тоже не случайное: художественная школа, кукольное отделение Театрального училища, архитектурный факультет ОИСИ. Аня, с ее профессиональными знаниями и широкой эрудицией, обостренной деликатностью, тихим неотразимым обаянием, замечательным чувством юмора, — дочь, которой по праву могут гордиться — и гордятся! — даже такие неординарные родители.

В начале девяностых, когда на фоне привычного "музейного" пейзажа стали возникать странные, не очень по началу понятные для публики новообразования — художественные галереи, — во Всемирном клубе одес-

